

МАЙЯ М.

СИНДРОМ ОТМЕНЫ

Майя М. Синдром отмены

<https://litres.ru/74459558>

SelfPub; 2026

Аннотация

Бывшего хирурга Анну Волкову лишают лицензии за зависимость от рецептурных опиатов — всё потеряно: карьера, семья, репутация. Она соглашается на работу сиделки у брата криминального авторитета, полгода находящегося в вегетативной коме после подозрительной аварии. В мрачном доме, полном тайн и скрытых угроз, Анна обнаруживает, что спасение больного может означать разоблачение тех, кто рядом. Выбор между профессиональным долгом и выживанием становится вопросом жизни и смерти.

Содержание

Глава 1. Цена милосердия	4
Глава 2. Правила дома	26
Глава 3. Границы дозволенного	47
Конец ознакомительного фрагмента.	49

Майя М.

Синдром отмены

Глава 1. Цена милосердия

Дождь колотил по карнизам с таким остервенением, словно сам город решил выбить из своих улиц остатки сна. Вода стекала по грязным стёклам автобуса, размывая неоновые вывески в длинные, дрожащие полосы. Анна смотрела на эти разводы, и ей казалось, что весь мир стал одной сплошной рваной раной, из которой сочится холодный октябрьский свет. Она не спала третьи сутки, и каждая клетка её тела, каждый нерв, натянутый до звона, требовали лишь одного — покоя. Но покой был недоступной роскошью. Как чистые руки. Как честное имя. Как жизнь, оставшаяся по ту сторону больничной двери, которую закрыли перед ней навсегда.

Напротив неё, на продавленном сиденье, спал старик, прижимая к груди драный пакет. От него пахло перегаром и чем-то сладковато-приторным, похожим на запах застарелой болезни. Анна машинально отметила желтизну его белков, ввалившиеся щёки, тремор пальцев. Диагноз напрашивался сам собой, как приговор. Она отвернулась. Слишком много лет она смотрела на людей как на пациентов, как на

набор симптомов, скрытых под кожей. Привычка, ставшая второй натурой, теперь казалась насмешкой. Ей больше не позволено лечить. Ей больше не позволено даже прикасаться к ампуле с физраствором. Она — изгой. Прокажённая в белом халате, сожжённом в утилизаторе вместе с остатками её репутации.

Автобус дёрнулся и остановился. Двери со скрипом распахнулись, впуская внутрь сырой воздух, пропитанный выхлопными газами. Анна поднялась, чувствуя, как ноют суставы, и вышла на тротуар. Ноги налились свинцом, но она заставила себя идти. Мимо — серые лица, зонты, лужи, отражающие грязное небо. Район был ей знаком смутно, по чужим рассказам. Место, куда не приезжают по своей воле. Место, где за каждым углом можно было лишиться не только кошелька, но и жизни. Но ей было всё равно. Страх притушился, уступив место расчёту. У неё не было другого пути.

Дом номер семнадцать выглядел так, будто его построили из мрака и бетонной пыли. Серая коробка с облезшей штукатуркой, слепыми окнами и тяжёлой металлической дверью, обитой ржавыми заклёпками. Над входом горела тусклая лампочка, вокруг которой в безумном танце кружили мелкие мошки. Ни вывески, ни указателя. Только камера, висящая под козырьком, словно всевидящее око. Анна остановилась перед дверью, поправила воротник старого, но всё ещё дорогого пальто и вытащила из кармана смятый клочок бумаги. Адрес был написан корявым почерком, буквы рас-

плывались от дождевой влаги. Она знала, куда пришла. Знала, кто здесь обитает. Но произнести это имя вслух, даже в собственных мыслях, было всё равно что глотнуть яд.

Дверь открылась беззвучно, словно её ждали. Анна вошла в тускло освещённый тамбур, пахнувший сыростью и дешёвым дезинфицирующим средством. Перед ней стоял охранник — квадратный, с бычьей шеей, на которой змеилась синяя татуировка. Он молча оглядел её с ног до головы, задержав взгляд на ухоженных, но стоптанных туфлях, на побелевших пальцах, сжимающих ремешок сумки.

— Имя? — голос его прозвучал как удар по бетону.

— Анна Волкова, — ответила она, стараясь, чтобы голос не дрожал. — Меня ждут.

Охранник хмыкнул, словно услышал что-то невероятно забавное, и нажал кнопку на панели. Вторая дверь, массивная, с электронным замком, откатилась в сторону, открывая взгляду узкий коридор, ведущий вниз. Оттуда доносились приглушённые звуки — низкие голоса, стук бильярдных шаров, звонкий смех. Пахло дорогим сигарным дымом, женскими духами и влажными деньгами. Анна спускалась по ступеням, и каждый шаг отдавался в висках глухим стуком. Стены были обшиты тёмным деревом, на них — бра в форме полураскрытых лилий, бросающие на лица тёплый, почти интимный свет. Но Анна знала: здесь не бывает тепла. Здесь правит холодный расчёт.

Она остановилась на последней ступеньке. Перед ней рас-

кинулся подвальный зал, оказавшийся просторным и душным. Низкий потолок давил на плечи. В центре стояли карточные столы, покрытые зелёным сукном, за ними — фигуры игроков, окутанные табачным туманом. Слева — бар, уставленный бутылками с золотыми и тёмными жидкостями. Справа — несколько дверей, за которыми, как догадывалась Анна, скрывались комнаты для частных переговоров или иных, куда менее безобидных целей. Несмотря на утренний час, жизнь здесь кипела. Никогда не замирающая, не зависящая от времени суток. Подпольный мир не спит, он лишь дышит глубже.

— Волкова, — раздался сбоку женский голос, резкий, как скрежет мела по доске. — Иди за мной.

Анна обернулась. Перед ней стояла девушка лет двадцати пяти, в строгом чёрном платье, с идеально уложенными волосами цвета воронова крыла. Лицо её было красиво, но той холодной, стерильной красотой, которая не располагает к доверию. В руках она держала планшет, из-под нахмуренных бровей смотрела на Анну с плохо скрываемым отвращением.

— У тебя две минуты, — бросила она, не дожидаясь ответа, и пошла к одной из дверей.

Анна последовала за ней, ощущая, как по спине стекает струйка пота. За дверью оказался кабинет, обставленный с претензией на респектабельность: массивный дубовый стол, кожаное кресло с высокой спинкой, тяжёлые шторы, погло-

щающие свет. В углу тихо гудел старый сейф. За столом, откинувшись на спинку, сидел мужчина.

Ей говорили о нём разное. Слухи ползли по городу, как гнилостные испарения, обрастая подробностями. Владелец подпольного казино, контролирующий поставки не только развлечений, но и лекарств. Точнее, того, что для одних — лекарство, для других — отравы. Говорили, что он начинал с разгрузки вагонов, а потом выкупил полрайона. Говорили, что его боялись даже те, кто сидит в высоких кабинетах. Но ни один слух не мог передать того, что Анна почувствовала, впервые встретив его взгляд.

Он был молод, не старше тридцати. Но глаза его выдавали человека, пережившего не одну смерть. Серые, холодные, как ртуть в разбитом градуснике, они смотрели прямо сквозь неё, оставляя ощущение, что из лёгких только что вытащили весь воздух. Тёмные волосы зачёсаны назад, скулы острые, как лезвия. Одет в дорогой костюм, но без галстука, верхняя пуговица рубашки расстёгнута, обнажая полоску смуглой кожи с краем татуировки. На видном месте — пепельница, полная окурков, и стакан с виски, в котором лениво позвякивали кубики льда.

— Садись, — сказал он, не повышая голоса.

В этом простом слове было столько властности, что колени Анны дрогнули. Она опустилась на стул напротив, положив сумку на колени, чтобы чем-то занять дрожащие руки. Девушка с планшетом осталась стоять у двери, как надзира-

тель.

— Анна Сергеевна Волкова, — произнёс он, и в его тоне не было вопроса, лишь констатация факта. — Тридцать четыре года. Шестнадцать лет в хирургии. Девять операций в день. Сложнейшие резекции, трансплантации, онкология. Ты была лучшей в этом городе. Пока не стала зависимой.

Слова ударили, как пощёчина. Анна сжала зубы, чувствуя, как к лицу приливает кровь. Она знала, что он изучил её досые. Знала, что он не упустит случая унижить. Но всё равно не смогла сдержать внутренней дрожи.

— Это не то, что ты думаешь, — тихо сказала она.

— Не то? — он приподнял бровь. — Фентанил. Оксикодон. Морфин. Всё то, что ты выписывала себе сама. Или, может, воровала из операционной? Поправь меня, если я ошибаюсь.

Анна молчала. Возражать было глупо. Он знал всё. Знал больше, чем она могла предположить.

— Тебя лишили лицензии. Ты потеряла работу. Мужа. Друзей. Квартиру, — продолжал он, и каждое слово ложилось на неё, как камень на грудь. — Осталось только это, — он кивнул на её сумку, — и твои знания. И вот ты здесь. Зачем?

Он подался вперёд, опершись локтями о стол. От него пахло дорогим одеколоном и табаком. Смесь, от которой у Анны на мгновение закружилась голова. Она смотрела на его руки — длинные пальцы, на запястье тонкий браслет из чёрной

стали. На безымянном пальце — перстень с тёмным камнем. Она перевела взгляд на его глаза и поняла: он играет. Играет, как с беспомощной мышью, попавшей в лапы сытого кота.

— Мне нужна работа, — произнесла она с усилием.

— Работа? — он усмехнулся, но в этой усмешке не было ни капли тепла. — Здесь нет операционных, Анна. Здесь не отрезают, здесь отнимают. И здесь не платят за то, что ты умеешь. Здесь платят за то, что ты готова сделать.

— Я готова на многое.

— Знаю. Поэтому и слушаю. Но я не благотворительный фонд. Мне не нужны инвалиды, которые в любой момент могут сорваться и сдохнуть от передозировки. Мне нужны люди, которым я могу доверять. А доверие, Волкова, зарабатывается не прошлыми заслугами.

— Что я должна сделать? — спросила Анна, стараясь держаться прямо.

Он помолчал, глядя на неё в упор. Этот взгляд, казалось, проникал под кожу, ворошил самое сокровенное. Потом он откинулся назад и закурил.

— У меня есть брат, — медленно сказал он, выпуская струйку дыма. — Младший. Ему двадцать шесть. Полгода назад он попал в аварию. Тяжёлая черепно-мозговая травма. Врачи сделали всё, что могли, но он не приходит в сознание. Вегетативное состояние.

Анна напряглась. Её профессиональное чутьё, несмотря на всё, не спало.

— Ему нужен уход, — продолжил он. — Круглосуточный. Сейчас с ним сидит медсестра, но она старая и, кажется, мешает ему выздоравливать. Мне нужен человек, который знает, что делать. Ты.

— Сиделка? — вырвалось у неё, и в голосе невольно прорезалось удивление.

— Именно. Не блестящая должность для бывшего хирурга, согласен. Но это всё, что я могу предложить. Оплата — щедрая. Крыша. Еда. Защита. Взамен — полное подчинение и молчание. Я не потерплю лишних вопросов.

Анна опустила глаза. Перед ней разверзлась пропасть. Стать сиделкой у человека, который зарабатывает на наркотиках и людских пороках. Прислуживать его больному брату, словно тюремщица. Это ли не насмешка судьбы? Но с другой стороны — это шанс. Шанс вернуть себе хотя бы подобие жизни. Вдохнуть, почувствовать, что ты ещё нужна.

— Почему я? — спросила она.

— Потому что ты понимаешь цену ошибки, — ответил он с расстановкой. — И потому что тебе нечего терять. Такие, как ты, либо тонут, либо вцепляются в любую соломинку. Мне не нужна та, что выберет первое.

Он встал и подошёл к окну, отвернувшись. Анна смотрела на его широкую спину, на то, как напрягаются мышцы под тканью пиджака, и чувствовала, как внутри поднимается волна злости. На себя, на него, на весь мир, который отнял у неё всё и привёл в этот подвал.

— Я согласна, — сказала она, сама удивляясь твёрдости своего голоса.

Он обернулся. В его серых глазах впервые промелькнуло нечто, похожее на интерес.

— Условия? — спросил он.

— Жильё и еда. Обеспечение необходимыми средствами для ухода. И никакого контроля за мной вне работы.

Он усмехнулся.

— Ты забыла про главное. Никакого упоминания моего имени и этого места. Никаких контактов с полицией, врачами, журналистами. Если узнаю, что ты хоть слово проронила — подпишешь себе приговор.

Анна молчала, переваривая услышанное. Его угроза не была пустой. Она видела в его глазах спокойную уверенность человека, который знает, что может уничтожить кого угодно.

— И ещё, — добавил он, подходя к ней вплотную. — Ты не будешь упоминать о своём прошлом. Для всех ты — новая сиделка моего брата. Никто не должен знать, что ты врач. Даже он.

— Он же без сознания.

— Это не важно. Правило есть правило.

Он был так близко, что Анна чувствовала тепло его тела. Его дыхание коснулось её виска, и она с трудом подавила желание отшатнуться. От него исходила опасность, как от хищника перед прыжком.

— Завтра в девять, — сказал он, отступая. — Машина

будет ждать у твоего дома. Собери вещи. Много не бери.

Он кивнул девушке с планшетом, и та открыла дверь, давая понять, что аудиенция окончена. Анна встала. Ноги держали с трудом. Она повернулась, чтобы уйти, но его голос остановил её у самого порога.

— И ещё, Волкова. Если я узнаю, что ты употребляешь — даже не думай о побеге. Я достану тебя из-под земли. Поняла?

Анна не обернулась. Она лишь кивнула, глядя перед собой в темноту коридора, и шагнула в неё, как в очередной круг ада.

На улице дождь кончился. Но небо оставалось тяжёлым, набрякшим, как огромный синяк. Анна шла по мокрому тротуару, не разбирая дороги. В висках стучало: «Завтра в девять. Машина. Собери вещи». Она почти не верила, что согласилась. Что перешагнула невидимую черту, отделяющую её прежнюю жизнь от этой, новой, пропитанной тенью и дымом. Но выбора не было. Как не было и сил бороться.

В каком-то залапанном кафе на углу она купила чёрный кофе без сахара. Горячая жидкость обожгла горло, но не принесла облегчения. За соседним столиком двое мужчин о чём-то спорили, размахивая руками. Анна смотрела на них, но не видела. Перед её мысленным взором стояло лицо человека, которому она теперь принадлежала. Его холодные глаза, его властный голос, его запах, въевшийся в её одежду. И где-то в груди, помимо страха, начинало зарождаться нечто

иное. Любопытство. Или предчувствие. Тонкое, как лезвие скальпеля. Предчувствие того, что эта встреча — не случайность. Что её падение — только начало.

Она вышла из кафе и направилась к автобусной остановке. Надо было ехать домой. В пустую квартиру, где не осталось ничего, кроме призраков прошлого. Собрать то немногое, что у неё было. И ждать. Ждать завтрашнего дня, который, возможно, станет первым днём её новой жизни. Или последним — старой. Этого Анна не знала. Она знала лишь одно: отступать некуда. Её поезд уже ушёл.

Осталась только ночь. И дождь, вновь начавший капать, смывающий с асфальта следы. Анна вернулась домой, когда сумерки уже сгустились в плотную, вязкую массу, проглотившую остатки дня. Квартира встретила её затхлой тишиной, запахом пыли и одиночества. Она щёлкнула выключателем, и тусклый свет обнажил убожество, к которому она так и не сумела привыкнуть. Обшарпанные обои, продавленный диван, заваленный старыми газетами стол. На подоконнике — пыльный фикус, давно превратившийся в скелет. Она сняла пальто, повесила на крючок и прошла на кухню. Там, на плите, стояла немытая кастрюля с остатками вчерашнего супа. Анна отвернулась. Есть не хотелось. Внутри всё сжалось в один тугой комок, не дающий ни вздохнуть, ни забыться.

Она опустилась на скрипучий стул, обхватив плечи руками, и уставилась в тёмное окно. За стеклом моросил дождь, и

капли на стекле напоминали дорожки слёз. Где-то на соседней улице выла сирена, то приближаясь, то отдаляясь. Анна слушала этот звук и вспоминала операционную — яркий свет ламп, ровный писк мониторов, команды, которые она отдавала, не задумываясь. Руки тогда слушались её беспрекословно. Пальцы, державшие скальпель, были точны и спокойны. Она могла часами стоять над столом, не чувствуя ни усталости, ни голода, растворяясь в работе, как в молитве. Теперь от всего этого осталась лишь дрожь в кончиках пальцев да пустота в груди.

Тишина в квартире становилась невыносимой. Анна включила старый радиоприёмник, стоявший на холодильнике. Сквозь шипение прорвался голос диктора, читавшего сводку новостей. Она не вслушивалась в слова — лишь в сам звук, наполнявший пространство чьим-то присутствием. Так она делала последние месяцы: радио заменяло ей живое общение. Когда молчание наваливалось слишком сильно, она включала любую станцию, лишь бы слышать человеческую речь. Но сегодня и это не помогало. В голове крутились обрывки разговора, его голос, его слова — острые, как осколки стекла. «Мне не нужны инвалиды, которые в любой момент могут сорваться». Она сжала зубы. Ей хотелось доказать ему, что он ошибается. Хотелось вцепиться в эту работу, как в последнюю нить, связывающую её с жизнью. Но страх оставался. Страх, что он прав.

Анна просидела так до полуночи. Потом, заставив себя

подняться, подошла к шкафу и вытащила старую спортивную сумку. Сборы были недолгими. Пара свитеров, джинсы, бельё, халат, который она когда-то носила по ночам на дежурствах. Отдельно — косметичка с остатками кремов и таблетками от головной боли. Обезболивающего не было. Она знала: если бы оно было, всё могло закончиться иначе. Но за эти месяцы она научилась обходиться без него. Точнее, приучила тело терпеть, а разум — отвлекаться. На что угодно: на уборку, на чтение медицинских справочников, на бесконечные прогулки по ночному городу, когда бессонница гнала её из дома.

Утром она проснулась от резкого звонка. Сердце зашлось в груди. Анна села на кровати, не сразу сообразив, где находится. Звук повторился — на этот раз она поняла: звонят в дверь. Нашарив тапочки, она подошла к глазку. На площадке стоял мужчина в чёрной куртке, с коротко стриженным затылком. Он не смотрел в глазок, но Анна знала, что он чувствует её присутствие. Медленно, стараясь не шуметь, она отперла замок.

— Анна Сергеевна? — спросил мужчина, даже не поздоровавшись.

— Да.

— Машина у подъезда. Вас ждут.

Она кивнула, хотя его тон не предполагал ответа. Закрyla дверь, взяла сумку, последний раз оглядела квартиру. На миг ей показалось, что она прощается навсегда. Потом накинула

пальто и вышла.

На улице моросило. У тротуара стоял чёрный внедорожник с тонированными стёклами. Водитель открыл ей заднюю дверь, не произнеся ни слова. Анна села, вдохнув запах кожи и едва уловимый аромат табака. Салон был идеально чист, будто с завода. Машина мягко тронулась, и Анна откинулась на спинку, глядя на проплывавшие мимо дома. Город просыпался медленно, нехотя, как больной после долгой болезни. Люди спешили на работу, прячась под зонтами. Казалось, все они знают, куда идут и зачем. У всех была цель. У Анны — только адрес, который ей не назвали.

Она посмотрела на водителя. Молодой, сосредоточенный, с каменным лицом. За всё время он не проронил ни звука. Лишь иногда поглядывал в зеркало заднего вида. Анна отвернулась к окну. Ей вдруг захотелось попросить остановиться, выйти, сбежать. Но бежать было некуда.

Через полчаса машина свернула с оживлённого проспекта в лабиринт узких улочек, застроенных старыми особняками. Здесь было тише, зелени больше, но дома выглядели заброшенными, словно их покинули много лет назад. Внедорожник затормозил у высоких металлических ворот, выкрашенных в тёмно-зелёный. Водитель нажал на пульт, и створки медленно разъехались, открывая мощёную дорожку, ведущую к двухэтажному дому из серого кирпича. Дом был мрачен, но в его геометрии чувствовалась порода. Высокие окна, кованые решётки, каменные ступени. Всё дышало ста-

риной и скрытой угрозой.

Машина остановилась у крыльца. Водитель вышел, открыл дверь. Анна ступила на влажную брусчатку. В лицо пахнуло прелыми листьями и хвоей. Дом стоял в кольце старых лип, и их чёрные ветви, ещё не сбросившие листву, царапали небо, словно пальцы нищего. Она поднялась на крыльцо, и дверь распахнулась сама. На пороге — полная женщина лет пятидесяти, в тёмном платье и белом переднике. Её лицо было строгим, но глаза смотрели с любопытством.

— Проходите, — сказала она низким, прокуренным голосом. — Меня зовут Вера Игнатьевна. Я экономка. Хозяин велел проводить вас в комнату.

Анна переступила порог. Внутри было тепло, но это тепло казалось обманчивым, как улыбка ростовщика. Огромная прихожая с чёрно-белым кафельным полом, на стенах — тёмные портреты в тяжёлых рамах. Пахло воском, старым деревом и чем-то ещё — сладковатым, лекарственным, от чего у Анны мгновенно пересохло во рту. Она шла за экономкой по длинному коридору, устланному ковровой дорожкой, и чувствовала, как стены сжимаются. Лестница наверх, скрипучие ступени. Комната, куда её привели, оказалась небольшой, но чистой. Узкая кровать, шкаф, стол с лампой, окно во двор. Серые шторы из плотной ткани почти не пропускали свет.

— Располагайтесь, — бросила Вера Игнатьевна, не переступая порога. — Обед в час. Ужин в семь. Правила простые:

не выходить из дома без разрешения, не подниматься в правое крыло. Там комнаты хозяина. Посторонним вход запрещён.

— А где я нужна? — спросила Анна, опуская сумку на пол.

— Внизу. В левом крыле. Там комната Артёма. Вас проведут.

Экономка развернулась и пошла прочь, не дожидаясь дальнейших вопросов. Анна осталась одна. Она подошла к окну, отодвинула штору. Двор был пуст, лишь вдалеке, у гаража, мелькнула тень. Она отвернулась, посмотрела на своё отражение в тёмном стекле. Осунувшееся лицо, синяки под глазами, заострившиеся скулы. Чужая женщина смотрела на неё из глубины. Анна медленно села на кровать, сцепила руки в замок. В этом доме она чувствовала себя зверьком, посаженным в клетку. И тем не менее что-то внутри неё, какое-то забытое, почти умершее чувство, зашевелилось. Так хирург перед сложной операцией ощущает не страх, а предельную собранность. Она заставила себя дышать медленно и глубоко.

Через несколько минут в дверь постучали. Вошла та самая девушка с планшетом, которую Анна видела в казино. Только теперь она была одета в строгое серое платье, а волосы стянуты в тугий пучок.

— Меня зовут Кира. Я помощник хозяина. Пойдёмте.

Анна поднялась. Они спустились вниз, прошли через го-

стиную с камином, в котором тлели дрова, свернули в узкий коридор. Здесь пахло сильнее — тем самым лекарственным запахом, от которого у Анны сжался желудок. Кира остановилась у массивной двери с бронзовой ручкой.

— Артём Андреевич здесь. Прошу.

Она отступила, пропуская Анну внутрь. Та толкнула дверь и вошла. Первое, что она увидела, — кровать у большого окна, зашторенного наполовину. На ней, укрытый до груди одеялом, лежал молодой мужчина. Его лицо было бледным, почти восковым, но черты — тонкими, правильными. Тёмные волосы отросли и падали на лоб. На виске — шрам, уже затянувшийся, но всё ещё заметный. Вокруг кровати — штативы с капельницами, монитор, показывающий ровные линии жизненных показателей. Рядом — аппарат искусственной вентиляции лёгких, издававший тихое ритмичное шипение. В углу, на столике, — шприцы, бинты, антисептики. Всё в идеальном порядке.

Анна замерла на пороге. Её охватило странное чувство — смесь профессионального любопытства и щемящей жалости. Она видела таких пациентов сотни раз. Но этот был не просто телом в коме. Он был братом того, кто вчера смотрел на неё так, будто решал, жить ей или умереть. Она подошла ближе, всматриваясь в лицо Артёма. В нём не было того хищного, что она чувствовала в его брате. Напротив — что-то юное, незащищённое, почти детское. Ресницы длинные, губы слегка приоткрыты, как у спящего ребёнка. Анна

невольню поправила край одеяла.

— Всё необходимое здесь, — раздался сзади голос Киры. — Препараты, растворы, зонды. Проверяйте по журналу. Ведёте записи каждый час. Ночью тоже. Если что-то случится — звоните мне или Вере. Но лучше, чтобы ничего не случилось.

Анна обернулась. Кира стояла в дверях, скрестив руки на груди, и смотрела на неё с холодным превосходством. Между ними пробежала искра взаимной неприязни.

— Я поняла, — ответила Анна спокойно. — Мне нужно изучить назначения, историю болезни, результаты последних обследований. Без этого я не смогу ухаживать за ним правильно.

Кира приподняла бровь.

— Назначения не обсуждаются. Вы делаете то, что указано. Не больше.

— А если у него упадёт давление? — Анна не сдержалась, и в голосе прорезались стальные нотки. — Если начнётся отёк лёгких? Я что, должна смотреть и ждать?

— Справитесь. Вы же бывший хирург.

С этими словами Кира вышла, оставив Анну одну. Тишина сомкнулась над ней, как вода. Она постояла немного, привыкая к звукам аппаратуры, затем подошла к столу, где лежал журнал. Открыла. Там были записи, сделанные разными почерками. Температура, давление, пульс, объём введённых растворов. Всё механически, без эмоций. Анна пролистала

несколько страниц. В одном месте заметила несоответствие: вчерашняя запись была сделана дважды, с разницей в два часа, но показатели совпадали до единицы. Словно кто-то переписывал с чужого. Она нахмурилась, но не стала заострять. Первый день. Не стоило привлекать внимание.

Она осмотрела капельницы. Проверила скорость введения, уровень растворов. Всё было в норме. Потом склонилась над Артёмом, проверила зрачковый рефлекс, оценила тонус мышц. Его дыхание под аппаратом было ровным, кожа сухой, но не обезвоженной. Руки — тёплые, с сеткой голубых вен. Анна поймала себя на том, что держит его за запястье чуть дольше, чем нужно. Пульс бился под её пальцами, ровный, настойчивый. В этом ритме было что-то завораживающее. Она опустила руку и отошла.

Весь день она провела в комнате. Обед принесла та же Вера Игнатьевна: тарелка горохового супа, тушёное мясо с гречкой, компот. Анна ела без аппетита, сидя на стуле у окна. За стеной шумел дождь, по стёклам бежали струи. Иногда в доме раздавались шаги, приглушённые коврами, голоса, звук телефона. Она не выходила. Разбирала лекарства, сверяла этикетки, мысленно составляла схему ухода. К вечеру, когда сумерки превратились в ночь, в дверь заглянула Вера.

— Вам звонить не будут. Отдыхайте. Смена ваша до утра. — Она помолчала, оглядев комнату, и добавила: — Если что, я на кухне.

Анна кивнула. Когда экономка ушла, она пересела ближе к кровати, включила ночник с мягким жёлтым светом. Артём лежал всё так же неподвижно, лишь грудь поднималась в такт аппарату. Анна смотрела на него, и в голове роились мысли. Этот дом, эти люди, этот странный, полуживой мир, в который она попала, — всё это давило на неё, но в то же время давало странное ощущение укрытия. Здесь она была нужна. Пусть как сиделка, как прислуга, но нужна. И пока она нужна, её не выбросят.

Ночью, когда часы показывали три, Анна проснулась от того, что аппарат издал короткий сигнал. Она вскочила, мгновенно сориентировавшись. Катетер сместился, капельница перегнулась. Она поправила всё быстро, без паники, как делала тысячи раз. Потом склонилась над Артёмом, проверила зрачки. Они были расширены, но реакции на свет не давали. Она вздохнула, поправила одеяло и снова села на стул. В этот миг ей показалось, что за окном мелькнул свет фар. Она замерла, прислушиваясь. Через минуту в доме слышались шаги, низкий мужской голос. Сердце ёкнуло. Он вернулся. Тот, кого она боялась и кого одновременно ждала.

Анна не вышла. Она осталась сидеть в темноте, слушая, как голоса то приближаются, то затихают. Потом всё смолкло. Лишь дождь стучал по стеклу, да ровно шипел аппарат. Она смотрела на Артёма, на его бледные, тонкие пальцы, лежащие поверх одеяла, и вдруг поймала себя на мысли, что где-то в глубине её души зарождается странное чувство. Не

жалость. Не сострадание. Что-то иное, чему она пока не могла подобрать имени. Словно этот неподвижный человек стал её единственным союзником в этом чужом, враждебном мире. Единственным, кто не мог её осудить. Не мог ударить словом. Не мог увидеть её падения.

Она осторожно взяла его руку в свою. Кожа была прохладной, но не ледяной. Анна держала её, не понимая, зачем это делает. Пальцы её чуть дрожали. Она закрыла глаза и впервые за долгие месяцы почувствовала, как внутри ослабевает тот тугой узел, который не давал ей дышать. Пусть ненадолго. Пусть лишь на мгновение. Но он ослаб.

А где-то наверху, за плотно закрытыми дверями, в кабинете, где пахло сигарами и властью, сидел человек, чьи серые глаза видели всё. Он знал, что эта женщина сейчас в комнате его брата. Знал, что она не спит. И он ждал, когда же она совершит ошибку. Не потому, что нуждался в поводе. А потому, что так было интереснее.

Утро наступило внезапно, разорвав ночь серым светом. Анна сидела на стуле, уронив голову на грудь, когда в дверь постучали. Она вздрогнула, подняла взгляд. В дверях стоял он. Собранный, свежий, в тёмном свитере и брюках. Несколько секунд он молча смотрел на неё, потом перевёл взгляд на брата, потом снова на неё.

— Ну что, Волкова, — произнёс он негромко, — как первая ночь в моём доме?

Анна поднялась, оправив одежду. В горле пересохло.

— Нормально, — ответила она. — Показатели стабильные. Ночь прошла без осложнений.

— Хорошо, — он кивнул, но в глазах его не было ни одобрения, ни благодарности. Только холодный интерес, от которого становилось не по себе. — Тогда продолжим. Сегодня я познакомлю тебя с настоящими правилами.

Он повернулся и вышел, не дожидаясь ответа. Анна проводила его взглядом, чувствуя, как сердце снова начинает биться быстрее. И поняла: её испытание только начинается.

Глава 2. Правила дома

Он ждал её в столовой. Анна поняла это, как только переступила порог, — по той особенной тишине, какая бывает в комнате, где только что говорили о тебе, но при твоём появлении замолчали. Вера Игнатьевна стояла у буфета, расставляя фарфоровые чашки, и лицо её было непроницаемо, как у человека, привыкшего не замечать лишнего. Сам хозяин сидел во главе длинного стола, покрытого белой скатертью, и лениво помешивал чай. Перед ним лежала раскрытая газета, но Анна видела: он не читает. Его взгляд, тяжёлый, немигающий, был устремлён на неё.

— Проходи, Волкова. Садись.

Он указал на стул напротив. Анна села, чувствуя, как под коленями скрипнула жёсткая обивка. Столовая была огромной, с высокими окнами, задёрнутыми тюлем, сквозь который сочился серый утренний свет. На стенах — тёмные дубовые панели, потемневшие от времени. В углу — массивный сервант с хрусталём, поблёскивающим тускло, как затавившийся лёд. Всё здесь дышало стариной, но не той, что навевает уют, а той, что давит, напоминая о чужой, недостижимой жизни.

— Чай? Кофе? — спросил он, отодвигая газету.

— Чай, — ответила Анна, стараясь, чтобы голос звучал ровно.

Вера Игнатьевна налила ей чашку, поставила перед ней сахарницу и молочник. Руки её двигались быстро, но без суеты. От экономки пахло кухонным дымом и сладковатым печеньем. Анна взяла чашку, поднесла к губам. Чай был горячим, терпким, с каким-то травяным привкусом. Она сделала маленький глоток.

— Ты хорошо держалась ночью, — произнёс он, не сводя с неё глаз. — Не бегала, не звала на помощь. Справилась с аппаратом. Это похвально.

— Спасибо, — сухо ответила Анна.

— Но не обольщайся. — Он взял чашку, отпил. — Это не значит, что я начал тебе доверять. Доверие здесь зарабатывается долго. Если вообще зарабатывается.

Анна промолчала. Ей казалось, что любое слово в этом доме может обернуться против неё. Каждое движение, каждый взгляд — как шаг по тонкому льду. Она посмотрела в окно. За стеклом всё так же моросил дождь, стекал по жестяным отливам. Ей вдруг захотелось оказаться где-нибудь далеко, в другом городе, среди незнакомых улиц, где никто не знает, кто она и от чего бежала. Но реальность держала крепко.

— Сегодня ты познакомишься с распорядком, — продолжал он. — Вера Игнатьевна покажет тебе дом. Запомни: правое крыло — моё. Туда не входить. Ни при каких обстоятельствах. Если понадобится — позвонишь Кире, она передаст.

— А если случится что-то срочное?

— Срочное — значит, касающееся моего брата. Тогда найдёшь меня. Но не раньше. И не самой.

Он говорил спокойно, без угрозы, но от этого становилось ещё страшнее. Анна кивнула, отводя взгляд. Она чувствовала, как его присутствие заполняет комнату, вытесняя воздух. Между ними повисло молчание, такое плотное, что, казалось, его можно резать ножом. Вера Игнатьевна, закончив с посудой, тихо вышла. Они остались вдвоём.

— Ты не спросишь, почему я тебя взял? — вдруг спросил он, слегка склонив голову набок.

Анна подняла глаза.

— Я знаю почему. Потому что мне некуда деваться.

Он усмехнулся, но глаза его остались холодными.

— Это только половина правды. Такие, как ты, — штучный товар. Хирург, который понимает, как работают лекарства. Человек, который уже переступал через себя. Ты видела смерть. Ты видела боль. Ты не развалишься при первом же осложнении. Мне нужна не просто сиделка. Мне нужна та, кто не побежит в ужасе, когда увидит то, что скрыто за фасадом.

— А что там скрыто? — тихо спросила Анна, не удержавшись.

— Скоро узнаешь.

Он поднялся, одёрнул свитер. Его движения были плавными, но в них чувствовалась скрытая сила. Он обогнул стол и остановился за её спиной. Анна замерла, ощущая его бли-

зость каждой клеткой. Его дыхание коснулось её затылка, и по коже побежали мурашки.

— И ещё, — сказал он, наклоняясь к самому её уху. — Никакой самодеятельности. Если захочешь что-то изменить в лечении брата — сначала спроси меня. Я не потерплю, чтобы решения принимались за моей спиной.

Анна сглотнула, не в силах ни пошевелиться, ни ответить. Его голос обволакивал, как дым, проникал под кожу, оставляя там липкий след. Она почувствовала, как её тело предательски откликается на его близость. Это было неправильно, дико, невозможно, но отрицать это было бессмысленно.

Он отступил, и Анна выдохнула. Дверь за ним закрылась с мягким щелчком. Она осталась сидеть, сжимая остывшую чашку, и слушала, как стучит в ушах кровь. В висках пульсировала одна-единственная мысль: он опасен. Опаснее, чем всё, что она видела прежде. И всё же она не могла заставить себя уйти. Не могла. И это пугало больше всего.

Вера Игнатьевна появилась минут через десять. Она окинула Анну цепким взглядом, поджала губы, но ничего не сказала.

— Идёмте. Покажу дом.

Они начали с первого этажа. Просторная гостиная с камином, выложенным тёмно-зелёным изразцом. На каминной полке — старинные часы с бронзовыми амурами, остановившиеся, казалось, лет сто назад. Вдоль стен — тяжёлые кресла с гобеленной обивкой, на полу — восточный ковёр, вы-

тертый до основы. За гостиной — библиотека, где пахло пылью и старой бумагой. Стеллажи уходили под потолок, заставленные потрёпанными томами. Анна провела пальцем по корешку одной из книг. Название стёрлось. Никто не читал их, наверное, десятилетиями.

Потом — кухня, большая, с медными кастрюлями, развешенными по стенам, и дровяной плитой, на которой что-то тихо булькало. Вера Игнатьевна рассказывала ровным, безэмоциональным голосом: здесь готовят, здесь стирают, здесь чёрный ход. Анна слушала вполуха, запоминая расположение комнат. Её не оставляло ощущение, что за ней наблюдают. Она ловила себя на том, что постоянно оборачивается, будто за спиной кто-то стоит.

— Это ваша главная зона, — сказала экономка, открывая дверь в конце левого коридора. — Комната Артёма Андреевича. Вы уже знаете. Рядом — ванная, приспособленная для лежачих. Там — кладовая с медикаментами. Тут — ваша комната. Всё рядом.

Анна заглянула в кладовую. Стеллажи с упаковками бинтов, коробками перчаток, банками с растворами. Всё разложено по полочкам, подписано. Она прикинула, хватит ли запасов. Хватило бы на месяц, не меньше.

— Кто был до меня? — спросила она вдруг.

Вера Игнатьевна помедлила, прежде чем ответить.

— Две сестры. Одна ушла сама, не выдержала. Вторая... исчезла.

— Как это — исчезла?

— Уехала среди ночи. Даже вещи не забрала.

Анна почувствовала, как холод пробежал по спине. Она не стала расспрашивать. В этом доме каждый ответ мог породить новые, куда более страшные вопросы.

Они поднялись наверх. Здесь было тише, воздух казался гуще. Вера Игнатьевна остановилась у лестницы, не решаясь идти дальше.

— Правое крыло — комнаты хозяина. Туда не ходить. Левое — гостевое, но сейчас закрыто. Ваша прежняя комната тоже здесь, но вы перебрались вниз, к больному. Это было его распоряжение.

Анна кивнула. Ей, в сущности, было всё равно, где жить. Лишь бы не под одной крышей с ним. Но выходило, что именно под одной.

Оставшуюся часть дня она провела у Артёма. Разбирала медикаменты, сверяла дозировки, записывала показания. Ей нравилось это занятие — оно возвращало её к себе. Руки делали привычную работу, а мысли текли спокойно. Она смотрела на бледное лицо Артёма и представляла, каким он был до аварии. Наверное, таким же властным, как брат? Или полной противоположностью? Она не знала. Никто не говорил о нём. Даже Кира, упоминая больного, называла его только по имени-отчеству, без подробностей.

К вечеру дождь усилился. За окном выл ветер, хлестал по стёклам, и дом скрипел, как старый корабль. Анна задёрну-

ла шторы, включила ночник. Ей предстояла вторая ночь. Но прежде — ужин. Вера Игнатьевна принесла поднос прямо в комнату. На тарелке — тушёная курица с рисом, рядом — ломтик чёрного хлеба. Анна съела всё до крошки, удивляясь себе. Впервые за долгое время ей хотелось есть.

— Не привыкайте к тишине, — вдруг сказала экономка, забирая поднос. — В этом доме она обманчива.

— Что вы имеете в виду? — не поняла Анна.

— То и имею. Ночью тут бывают... звуки. Не обращайтесь внимания. И не выходите из комнаты, если не позовёт хозяин.

Анна хотела спросить, что за звуки, но экономка уже вышла. Она осталась одна. Прислушалась. Тишина была ватной, тяжёлой. Сквозь неё пробивались лишь шум дождя и поскрипывание половиц. Где-то далеко, в недрах дома, что-то гудело — возможно, котельная. Анна поправила одеяло на Артёме, смочила ему губы водой из стакана, проверила катетер. Всё было в порядке.

Она села в кресло, стоявшее у кровати, и укрылась пледом. Сон подступал медленно, как тёплая волна. Анна закрыла глаза, но в голове всё ещё крутились обрывки разговора. Его голос. Его дыхание у её уха. Она сжала руки в кулаки, прогоняя наваждение. Нельзя. Ни в коем случае нельзя. Но чем сильнее она запрещала себе, тем ярче вставал перед ней его образ. Опасный, притягательный, как тёмная вода, в которую страшно смотреть, но невозможно оторваться.

Около полуночи её разбудил звук. Резкий, будто что-то металлическое упало на каменный пол. Анна вздрогнула, распахнула глаза. В комнате было темно, только монитор Артёма светился зеленоватым светом. Она замерла, прислушиваясь. Звук повторился — теперь ближе. Похоже на шаги. Кто-то шёл по коридору. Нет, не просто шёл — крался. Мягко, но с металлическим отзвуком, будто на ботинках были набойки. Анна затаила дыхание. Шаги приближались, потом замерли у двери. Она не видела в темноте, но точно знала: кто-то стоит с той стороны. Стоит и слушает.

Прошла минута. Другая. Шаги возобновились, удаляясь в сторону кухни. Анна выдохнула. Сердце колотилось где-то в горле. Она поднялась, на цыпах подошла к двери, прислушалась. Тихо. Только вода в трубах и шорох дождя за окном. Она осторожно повернула ручку, приоткрыла дверь на несколько сантиметров. В коридоре было темно. Лишь далеко, возле кухни, горела тусклая лампочка. И там, в её неверном свете, мелькнула чья-то тень.

Анна отшатнулась, закрыла дверь, прижалась к ней спиной. Кто это был? Вера Игнатьевна? Кира? Или кто-то, кого она ещё не видела? Она вспомнила слова экономки: «Ночью тут бывают звуки». Похоже, за ними стояло нечто большее, чем обычное поскрипывание. Анна заставила себя вернуться в кресло, но сон пропал. Она сидела в темноте, глядя на дверь, и ждала. Напряжение медленно отпускало, сменяясь звенящей усталостью. Но заснуть она так и не смогла.

Утром, когда Вера Игнатьевна принесла завтрак, Анна спросила её напрямую:

— Кто ночью ходил по дому?

Экономка поставила поднос на стол, выпрямилась. В её глазах мелькнуло что-то похожее на испуг, но она быстро справилась с собой.

— Вам показалось. Ночью тут никого не бывает. Кроме хозяина, а он уехал ещё вчера.

— Уехал?

— Да. У него дела в городе. Будет к вечеру. Так что можете не бояться.

Анна хотела возразить, но экономка уже вышла, оставив её наедине с невысказанными вопросами. Она посмотрела на поднос: овсянка, яйцо, чай. Есть не хотелось. Она подошла к окну, отдёрнула штору. Двор был пуст, если не считать лужиц, поблёскивающих под серым небом. Ворота закрыты. У гаража ни машины. Значит, он действительно уехал. Но тогда кто?..

Анна постаралась отбросить эти мысли. Слишком много странного, слишком много неизвестного. Она не хотела показаться сумасшедшей. Возможно, ей действительно помешалось. После бессонных ночей и выматывающего напряжения можно услышать и не такое. Она умылась, причесалась, надела чистый свитер и принялась за работу.

День тянулся медленно. Анна сделала Артёму лёгкий массаж, перевернула его на бок, обработала кожу, чтобы не было

пролежней. Всё это она делала тщательно, с профессиональной сноровкой, но мысли её блуждали далеко. Она думала о том, что будет, когда он вернётся. О том, что ждёт её дальше. О том, почему ей так трудно перестать думать о человеке, который, возможно, и есть главная опасность в её жизни.

Вечером, когда начало темнеть, она услышала, как отворились ворота. Выглянула в окно: во двор въехал тот самый чёрный внедорожник. Сердце сжалось. Она отпрянула от окна, поправила волосы, одёрнула свитер. Зачем? Она сама не знала. Просто не хотела выглядеть неопрятной. Поймала себя на этом и разозлилась. Ей не должно быть дела до того, как она выглядит перед ним.

Через полчаса он появился в дверях. Снова собранный, собранный, в тёмном пальто, с которого ещё не сошёл дождь. Он оглядел комнату, остановил взгляд на Артёме, потом перевёл на Анну.

— Как он? — спросил коротко.

— Стабилен. Температура в норме. Пульс ровный. Я перевернула его, обработала. Всё в порядке.

— Хорошо.

Он подошёл к кровати, склонился над братом. Анна видела, как изменилось его лицо. Всего на мгновение в нём прорезалась усталость, едва уловимая складка меж бровей. Он провёл ладонью по лбу Артёма, убрал упавшую прядь. Это движение было почти нежным. Анна смотрела, не в силах отвести взгляд. Ей показалось, что она видит то, что он не

показывает никому. И это пугало.

Он выпрямился, и лицо его снова стало непроницаемым.

— Завтра придет врач, — сказал он, не глядя на неё. — Осмотрит Артёма. Ты будешь рядом. Но без своих замечаний. Поняла?

— Я не могу молчать, если увижу ошибку.

— Значит, сделаешь вид, что её нет.

Она сжала зубы, но промолчала. Он вышел так же внезапно, как и появился. Анна осталась стоять у кровати, слушая, как удаляются его шаги. В комнате снова стало тихо. Только дождь барабанил по подоконнику, да монитор попискивал, отсчитывая чьё-то чужое, застывшее между жизнью и смертью время. Она ещё долго стояла у кровати, глядя на дверь, за которой растворился его силуэт. В комнате было тихо, но эта тишина теперь не казалась пустой. Она была наполнена им — его шагами, его дыханием, его взглядом, который, казалось, всё ещё скользил по её лицу, как холодный луч. Анна провела ладонью по лбу, чувствуя, как пылает кожа. Ей хотелось выйти на воздух, вдохнуть сырость, смыть с себя это наваждение. Но за окном лил дождь, а дом держал её, как держит капкан.

Ночь снова прошла без сна. Она сидела в кресле, закутавшись в плед, и прислушивалась. Теперь звуков не было. Никто не крался по коридору, не замирал за дверью. Но от этого становилось не легче. Тишина давила, как предчувствие. Казалось, дом замер в ожидании чего-то важного, что вот-

вот должно случиться.

Анна думала о завтрашнем враче. Кто он? Человек из города, подкупленный или запуганный? Или такой же изгой, как она, лишённый права заниматься медициной и потому готовый ехать в этот дом по первому зову? Ей было тошно от мысли, что придётся стоять рядом и молчать, даже если она увидит грубую ошибку. Профессиональная гордость, глубоко засевшая в ней, не умерла. Но хозяин ясно дал понять: здесь её знания значат меньше, чем её покорность.

Под утро Анна всё же забылась коротким, рваным сном. Ей снилась операционная. Бледный свет, зелёные простыни, инструменты, разложенные в идеальном порядке. Она держала скальпель, но руки дрожали. А на столе лежал Артём, и его лицо было повернуто к ней, и он смотрел на неё глазами своего брата. Она хотела закричать, но голос не слушался. Сон оборвался резко, как лопнувшая струна. Анна проснулась в холодном поту, чувствуя, как колотится сердце. В окне уже брезжил серый рассвет.

Она поднялась, умылась ледяной водой, долго смотрела на себя в зеркало. Из отражения на неё глядела женщина с заострившимися чертами, с тёмными кругами под глазами, в которых всё ещё тлел прежний огонь. Анна пригладила волосы, завязала их в хвост, сменила одежду. Надо было привести себя в порядок до приезда врача.

Вера Игнатьевна принесла завтрак раньше обычного. Поставила поднос на стол, внимательно посмотрела на Анну.

— Не спали? — спросила она, и в голосе её впервые проскользнуло что-то похожее на сочувствие.

— Немного, — призналась Анна. — Непривычно.

— Это пройдёт. Тут все сначала не спят. А потом привыкают.

— И вы?

— И я. Уже пять лет.

Анна отпила чай, ощущая, как тёплая жидкость растекается по телу. Ей захотелось спросить, кем был хозяин до того, как стал тем, кем стал. И что случилось с братом. Но она сдержалась. Вопросы могли быть лишними.

— Сегодня приедет доктор, — сказала экономка, словно прочитав её мысли. — Обычно он бывает по средам. Но вчера позвонил, сказал, приедет раньше. Не знаю почему.

— Как его зовут?

— Пётр Львович. Старик. Странный, но своё дело знает. Раньше работал в городской больнице. Только вы его не спрашивайте. И не спорьте с ним.

Анна кивнула. Допила чай, съела немного овсяной каши. Есть не хотелось, но она заставила себя. Ей нужны были силы.

Доктор приехал около одиннадцати. За окном раздался шум мотора, хлопнула дверца. Анна выглянула. Во дворе стоял старенький «жигулёнок» мышиного цвета, из которого выходил грузный мужчина в мятом пальто и с потертой кожаной сумкой. Он двигался медленно, тяжело опираясь на

трость. Лица не было видно из-под полей старой шляпы. Анна отодвинулась от окна и поправила одеяло на Артёме, хотя в этом не было необходимости.

Через несколько минут в коридоре слышались шаги и голос. Вера Игнатьевна провожала гостя. Дверь распахнулась, и в комнату вошёл Пётр Львович. Он снял шляпу, обнажив седые всклокоченные волосы, и оглядел Анну с головы до ног.

— Новенькая? — спросил он хриплым, прокуренным голосом.

— Анна Волкова.

— Знаю. Мне говорили. Ну, давайте посмотрим пациента.

Он подошёл к кровати, опустился на стул, достал из сумки стетоскоп. Двигался он медленно, но уверенно. Анна стояла в стороне, наблюдая. Ей хотелось отметить про себя каждый его жест, каждое движение. Старик был старой школы: прежде чем слушать лёгкие, согрел мембрану в ладони. Проверил зрачки, пульс, давление. Потом долго смотрел на записи в журнале, щурясь.

— Что-то у него влажность в лёгких повышена, — пробормотал он, не обращая ни к кому конкретно. — Вы его переворачивали?

— Да. Каждые три часа. И дренаж делаю.

— Сами?

— Я умею.

Старик хмыкнул, покосился на неё.

— То-то я смотрю, у вас и руки, и повадки не сиделкины. Вы, часом, не врач?

Анна напряглась. Хозяин велел молчать о её прошлом.

— Я медицинский работник, — уклончиво ответила она.
— Долго работала в хирургии.

— Хирургия, значит. Это многое объясняет. Только здесь не режут. Здесь ждут.

— Чего ждут?

— Чуда. Или смерти. Как кому повезёт.

Он отвернулся к пациенту, продолжил осмотр. Анна стояла, стиснув руки. Ей хотелось спросить, как можно ждать чуда, если ничего не делать. Но она помнила предупреждение.

— Сколько он уже в этом состоянии? — спросила она осторожно.

— Полгода. Может, чуть больше. Я его с самого начала веду. Сначала прогноз был не такой уж безнадёжный. Потом что-то пошло не так. Инфекция, отёк, потом ещё что-то. Теперь вот.

— А что с его братом? — вырвалось у Анны.

Доктор поднял на неё взгляд. В его выцветших глазах мелькнуло любопытство.

— А что с ним?

— Я имею в виду, он... он навещает его?

— Каждый раз, когда я приезжаю, он в городе. Но здесь его не бывает. Только по вечерам заходит, постоит минуту

и уходит.

Анна промолчала. Ей вспомнилось, как он провёл ладонью по лбу брата. Это было не минутное движение. В нём было столько скрытой боли, что у неё сжалось сердце. Но доктор, видимо, видел другое. А может, не хотел видеть.

— Ну что ж, — Пётр Львович откинулся на спинку, вытер руки платком. — Пока всё без изменений. Состояние тяжёлое, но стабильное. Если так пойдёт и дальше, он может пролежать ещё год. Или два. Или десять. Кто знает.

— А что нужно, чтобы он очнулся?

— Чудо, я же говорю. Или интенсивная реабилитация в хорошей клинике. Но её здесь нет. И вряд ли будет.

Анна смотрела на Артёма. Его лицо было спокойным, почти безмятежным. Ей вдруг пришло в голову, что он слышит их разговор. Что он заперт в своём теле, как в тюрьме, и не может ни ответить, ни пошевелиться. От этой мысли стало невыносимо.

— Может, стоило бы перевезти его? — тихо спросила она.

— Перевезти? — доктор усмехнулся. — Куда? В столицу? В частный центр? Это стоит денег. И не просто денег — связей, влияния. А у его брата, при всех его возможностях, есть дела поважнее.

Анна сжала зубы. Ей не понравился тон старика. В нём сквозило пренебрежение. Или зависть. Или усталость человека, который давно перестал верить в хорошее.

— И всё же, — продолжал Пётр Львович, укладывая сте-

тоскоп в сумку, — если бы Артём пришёл в себя, многое изменилось бы. Для всех. Особенно для его брата.

— Почему?

Старик помолчал, словно раздумывая, стоит ли говорить. Потом наклонился чуть ближе, понизив голос:

— Говорят, из-за этого дома и всего, что вокруг, у братьев давно шла борьба. Артём был мягче. Не хотел продолжать отцовское дело. А старший... старший не тот человек, который отпустит. Вот и вышло, что младший лежит, а старший всё держит в кулаке.

Анна почувствовала, как по спине пробежал холод. Она не была готова к таким откровениям.

— Вы думаете, авария была не случайной? — спросила она одними губами.

— Я ничего не думаю, милочка. Я просто смотрю и вижу. А выводы пусть делают те, кому за это платят.

Он поднялся, взял трость. На лице его появилась усталость.

— Продолжайте уход. Через неделю приеду снова. Если что-то изменится — звоните. Телефон у Веры.

Он вышел, тяжело ступая. Анна осталась в комнате, словно оглушённая. Слова доктора звучали в ушах, как эхо. «Авария была не случайной»? Она запретила себе думать об этом. Но мысль уже пустила корни, оплела сознание липкими нитями. Анна опустила на стул, закрыла лицо руками.

Прошло несколько часов. В доме снова стало тихо. Анна

вышла в коридор, дошла до кухни. Вера Игнатьевна сидела за столом, перебирая гречку. Увидев Анну, она кивнула на табурет.

— Садитесь. Чай будете?

— Да, — Анна села, чувствуя, как ноют ноги.

— Ну что доктор?

— Говорит, без изменений. Надо ждать.

— Вот и ждём.

Вера Игнатьевна подала кружку с чаем. В кухне пахло сушёными травами, висящими над плитой. Анна сделала глоток. Тишина здесь была иной — тёплой, почти домашней. Но и она не могла скрыть под собой чего-то тёмного, недосказанного.

— Вы давно здесь работаете? — спросила Анна.

— Пять лет. С тех пор как прежний хозяин умер.

— Прежний?

— Отец. Он построил этот дом. И всё, что вокруг. А после его смерти остались два сына. Один теперь правит. Другой лежит. Так-то вот.

Анна слушала, затаив дыхание. Ей хотелось спросить ещё, но экономка поджала губы, давая понять, что тема закрыта. Анна допила чай, поблагодарила и ушла.

К вечеру дождь наконец прекратился. Небо очистилось, на западе появилась багровая полоса заката. Анна стояла у окна в комнате Артёма, смотрела на мокрый двор, на капли, сверкающие на ветках. Впервые за несколько дней воздух ка-

зался свежим, промытым. Ей захотелось выйти, подышать. Она знала, что без разрешения нельзя. Но не выдержала.

Накинула куртку, вышла в коридор. В доме было тихо. Она осторожно повернула ручку чёрного хода, вышла на заднее крыльцо. Вечерний воздух ударил в лицо, прохладный, влажный. Анна вдохнула полной грудью. Во дворе пахло мокрой землёй и осенними листьями. Она сделала несколько шагов по дорожке, ведущей к старому саду. Деревья стояли голые, чёрные, но в них уже угадывалось неясное обещание будущей весны.

Она не услышала, как он подошёл. Просто вдруг почувствовала его присутствие за спиной. обернулась. Он стоял у крыльца, в расстегнутом пальто, и смотрел на неё с непонятным выражением.

— Решила сбежать? — спросил он, и в голосе его не было насмешки. Скорее усталость.

— Нет. Просто вышла подышать.

— Здесь воздух тяжёлый. Особенно по вечерам.

Он подошёл ближе, остановился рядом. Анна не отодвинулась. Они стояли на мокрой дорожке, глядя на тёмный сад.

— Доктор был? — спросил он.

— Да. Сказал, состояние стабильное.

— Это он всегда говорит. Как заведённый.

— А что вы хотите услышать?

Он посмотрел на неё. В сумеречном свете его глаза казались ещё темнее, почти чёрными.

— Правду. Но правду не говорят. Ни мне. Ни о нём. Все только делают вид, что что-то знают.

Анна молчала. Ей хотелось сказать, что она понимает его. Хотелось, но она не знала, как. Он казался ей сейчас не таким, как всегда. Не грозным, не давящим. А усталым, загнанным в угол человеком, который носит маску так долго, что она уже приросла к лицу.

— Вы его любите? — спросила она тихо.

Он не ответил сразу. Отвернулся, сунул руки в карманы.

— Любовь — слишком сложное слово. Я за него отвечаю. Этого достаточно.

— Этого не всегда достаточно, — возразила Анна. — Иногда нужно быть рядом. А не просто отвечать.

Он усмехнулся, но как-то горько.

— Ты пришла сюда не за тем, чтобы учить меня, Волкова.

— Я не учу. Просто говорю, что вижу.

— И что же ты видишь?

Она сделала глубокий вдох.

— Человека, который боится потерять брата, но не знает, как его вернуть.

В воздухе повисла тишина. Он смотрел на неё долго, испытующе. Анна выдержала его взгляд, хотя внутри всё дрожало.

— Ты либо очень смелая, либо очень глупая, — сказал он наконец. — Впрочем, одно другому не мешает.

Он развернулся и пошёл к дому. Анна смотрела ему вслед,

ощущая, как сердце бьётся где-то в горле. Она не знала, что было между ними в этот момент. Но что-то изменилось. Что-то тонкое, невидимое, но уже необратимое. И от этого ей было страшно. И одновременно — легко.

Вернувшись в дом, она тихо прикрыла дверь. В коридоре было темно. Она шла на ощупь, боясь споткнуться. В комнате Артёма горел ночник, бросая на стены мягкие тени. Анна склонилась над кроватью, проверила показатели. Всё было ровно. Она села в кресло, закрыла глаза. Перед ней снова стояло его лицо. Усталое, но всё такое же властное. Она запретила себе думать о нём. Но не могла. И впервые за долгое время ей не хотелось, чтобы наступало утро.

Глава 3. Границы дозволенного

Утро следующего дня пришло без солнца. Небо висело над домом низкое, тяжелое, будто свинцовая плита, готовая в любой миг прорваться новым ливнем. Анна проснулась поздно, разбитая, с ощущением, что всю ночь таскала камни. Шея затекла, спина ныла от неудобной позы. Она распрямилась, размяла плечи, подошла к кровати Артёма. Тот лежал всё так же неподвижно, но что-то неуловимо изменилось в его лице. Анна не сразу поняла, что именно. Присмотрелась внимательнее. Нет, показалось. Просто тени легли иначе, только и всего. Она приложила ладонь к его лбу. Кожа была прохладной, чуть влажной. Норма.

Она проделала привычные процедуры: проверила катетер, ввела лекарства, зафиксировала показатели в журнале. Руки действовали сами, а мысли снова возвращались к вечернему разговору во дворе. Его слова: «Я за него отвечаю. Этого достаточно». Сколько раз она сама повторяла себе то же, когда муж уходил, а она оставалась на сутках, оправдываясь, что хирург не принадлежит себе. Этого никогда не бывает достаточно. Долг — не любовь, а лишь её тень, холодная и безжизненная.

Анна отложила журнал, подошла к окну. Двор был пуст, если не считать ворон, с карканьем опустившихся на мокрый газон. Где-то вдалеке, за стеной старых лип, прошурша-

ла машина. Она проследила за звуком. Он уехал? Или это кто-то другой? В доме было тихо, но тишина эта казалась не мёртвой, а настороженной, как зверь перед прыжком. Анна давно научилась различать оттенки безмолвия. Это обещало перемены.

После завтрака, состоявшего из пресной рисовой каши и слабого чая, она решилась на то, что откладывала со дня приезда. Ей нужно было осмотреть кладовую с медикаментами более тщательно. Не из любопытства — из необходимости. Она должна была точно знать, чем располагает. Пётр Львович оставил назначения, но Анна уже заметила в них несколько слабых мест. Слишком большие дозы седативных на ночь. Слишком редкая смена растворов. Кое-где — устаревшие препараты, которые давно заменили более щадящими аналогами. Она не могла молчать вечно. Рано или поздно ей придётся вмешаться.

Кладовая встретила её запахом спирта, пыли и старого картона. Анна потянула за цепочку, зажгла тусклую лампочку под потолком. Полки выстроились вдоль стен, забитые упаковками, бутылками, инструментами. Она провела пальцем по одной из коробок. Надпись полустёрта, срок годности выцвел. Анна прищурилась, пытаясь разобрать. Семь лет назад. Просрочен. Она взяла коробку, отставила в сторону. Ещё одна — та же история. Третья — пустая внутри, лишь вата и осколок ампулы. Она нахмурилась. Кто-то использовал препараты, а пустые упаковки поставил обратно.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.